

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10
Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой
гражданки М.Ю.Щаниковой

город Санкт-Петербург

11 февраля 2025 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева,
С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, М.Б.Лобова, С.П.Маврина,
Н.В.Мельникова, В.А.Сивицкого,

с участием заявительницы – гражданки М.Ю.Щаниковой и ее
представителя – адвоката В.С.Цвиля, полномочного представителя
Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации
Ю.А.Петрова, полномочного представителя Совета Федерации в
Конституционном Суде Российской Федерации А.А.Клишаса, полномочного
представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде
Российской Федерации А.В.Коновалова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального
конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки М.Ю.Щаниковой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С.М.Казанцева, объяснения представителей сторон, выступления полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.Ю.Барщевского, а также приглашенных в заседание представителей: от Генерального прокурора Российской Федерации – В.В.Росинского, от Министерства юстиции Российской Федерации – А.В.Таманцевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии со статьей 10 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» право на страховую пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, состоявшие на его иждивении (часть 1); члены семьи умершего кормильца признаются состоявшими на его иждивении, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию (часть 3).

Конституционность этих норм оспаривает гражданка М.Ю.Щаникова в жалобе, поданной в интересах ее несовершеннолетних детей.

1.1. Как следует из жалобы и приложенных к ней документов, в 2013 году заявительница вступила в брак с гражданином А. После медицинского обследования супругами было принято решение о зачатии ребенка (детей) с использованием вспомогательных репродуктивных технологий. 6 февраля 2016 года супругу заявительницы по договору с клиникой были оказаны услуги по криоконсервации и хранению половых клеток, а 24 ноября того же

года он скончался. По данному договору в случае смерти одного из супругов право распоряжения криоконсервированным биоматериалом переходило другому супругу. 21 ноября 2017 года заявительница заключила договор об оказании медицинских услуг, на основании которого успешно прошла процедуру экстракорпорального оплодотворения с использованием половых клеток умершего супруга. 15 сентября 2018 года у нее родились близнецы.

Решением Колпинского районного суда Санкт-Петербурга от 29 июня 2020 года установлен факт отцовства умершего супруга заявительницы в отношении двух ее детей, после чего в записи актов о рождении детей были внесены сведения об отце – А. 11 августа 2020 года она обратилась в пенсионный орган за назначением детям страховой пенсии по случаю потери кормильца, однако ей было отказано со ссылкой на отсутствие права на эту пенсию.

Решением Колпинского районного суда Санкт-Петербурга от 18 апреля 2022 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 25 августа 2022 года и определением судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23 января 2023 года, в удовлетворении иска заявительницы к отделению Пенсионного фонда Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области о признании незаконным решения об отказе в назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца и об обязанности назначить эту пенсию отказано. Судья Верховного Суда Российской Федерации определением от 12 мая 2023 года отказал в передаче кассационной жалобы на указанные судебные акты для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, а письмом заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 13 июля 2023 года заявительнице сообщено, что оснований для отмены данного определения не имеется. При этом суды исходили из того, что дети заявительницы не находились и не могли находиться на иждивении ее супруга, поскольку процедура

оплодотворения и, соответственно, рождение детей имели место после его смерти; доходы последнего не могли быть приняты ею во внимание при решении вопроса о зачатии детей и о возможности их содержания после рождения; смерть супруга не могла повлечь ухудшения имущественного положения детей в виде утраты части дохода семьи, соответствующей заработку умершего.

По мнению М.Ю.Щаниковой, оспариваемые законоположения противоречат статьям 7, 19 (части 1 и 2), 38 (части 1 и 2) и 39 (часть 1) Конституции Российской Федерации, поскольку лишают детей, зачатых с использованием вспомогательных репродуктивных технологий после смерти родителя, права на получение страховой пенсии по случаю потери кормильца, а также устанавливают не обусловленные объективными причинами различия между детьми, рожденными до или после истечения трехсот дней с момента смерти родителя, хотя и те и другие дети не находились на иждивении этого родителя при его жизни.

1.2. С учетом изложенного, а также предписаний статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются части 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования служат основанием для решения вопроса о назначении страховой пенсии по случаю потери кормильца детям, которые зачаты с использованием вспомогательных репродуктивных технологий после смерти супруга матери, отцовство которого было установлено решением суда, и, соответственно, родились после его смерти.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает Россию социальным государством, чья политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, и закрепляет, что в России обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, развивается система социальных служб,

устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (статья 7; статья 38, часть 1). Забота о детях, их воспитание – право и обязанность родителей, но в то же время дети – важнейший приоритет государственной политики, государство создает условия, способствующие их всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, а также, гарантируя приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения (статья 38, часть 2; статья 67¹, часть 4, Конституции Российской Федерации).

Признавая необходимость государственной поддержки материнства, отцовства и детства, Конституция Российской Федерации предполагает создание для соответствующей категории граждан условий, направленных на обеспечение им достойного уровня жизни. Подобная поддержка требует наличия правовых механизмов, которые обеспечивали бы институту семьи эффективную защиту, адекватную целям социальной и экономической политики страны на конкретно-историческом этапе, уровню экономического развития и финансовым возможностям государства (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2011 года № 28-П). Это соотносится с Декларацией прав ребенка от 20 ноября 1959 года, предусматривающей, что ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения (преамбула), и с Конвенцией о правах ребенка от 20 ноября 1989 года, обязывающей государства-участников предоставлять ребенку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия (пункт 2 статьи 3).

Согласно Конституции Российской Федерации каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 39, часть 1). Определение условий и порядка реализации данного права, в том числе установление видов пенсий, оснований и условий

приобретения права на них отдельными категориями граждан, правил исчисления их размеров, относится к компетенции законодателя (статья 39, часть 2, Конституции Российской Федерации).

Необходимым условием достижения целей социального государства, обязывающих Россию заботиться о благополучии граждан, об их социальной защищенности, является развитие системы социального обеспечения, которая должна строиться на принципах равенства, справедливости и соразмерности, выступающих, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона (постановления от 16 декабря 1997 года № 20-П, от 18 марта 2004 года № 6-П и др.).

3. Действующая в России система социальной защиты предусматривает широкий спектр мер социальной поддержки детей и их родителей, включая пособия одиноким матерям, многодетным и малообеспеченным семьям и т.п. В этой системе пенсия по случаю потери кормильца выступает одним из основных способов материального обеспечения ребенка, потерявшего одного или обоих родителей.

В рамках своих полномочий законодатель в пункте 3 статьи 6 и статье 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» установил право детей умершего кормильца на страховую пенсию и определил условия ее назначения. Согласно пункту 1 его статьи 3 страховая пенсия по случаю потери кормильца представляет собой ежемесячную денежную выплату в целях компенсации нетрудоспособным членам семьи застрахованных лиц, в том числе детям, заработной платы и иных выплат и вознаграждений кормильца, утраченных в связи со смертью этих застрахованных лиц, право на которую определяется в соответствии с условиями и нормами, установленными данным Федеральным законом.

Правовой механизм социальной защиты семьи умершего кормильца, в том числе несовершеннолетних детей, исходит из понимания смерти кормильца как события, которое влечет существенное изменение

имущественного положения нетрудоспособных членов семьи. При этом частью 4 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» предусмотрено специальное правило о том, что иждивение детей умерших родителей предполагается и не требует доказательств.

Как следует из Федерального закона «О страховых пенсиях», *prima facie* страховая пенсия по случаю потери кормильца предназначена для тех детей, которые имели кормильца, т.е. были рождены при его жизни. Для реализации их права на эту пенсию, как вытекает из данного Федерального закона в его системной связи со статьями 47–51 Семейного кодекса Российской Федерации, не имеет значения, был ли факт отцовства в отношении ребенка установлен органами исполнительной власти либо решением суда. Наличие иждивения детей предполагается и в случае, когда родители уклонялись от исполнения обязанностей по содержанию ребенка.

Вместе с тем по смыслу, придаваемому части 4 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» правоприменительной практикой, иждивение детей умершего кормильца предполагается и не требует доказательств и тогда, когда они рождены после его смерти. Так, в соответствии с пунктом 2 статьи 48 Семейного кодекса Российской Федерации при установлении происхождения ребенка его отцом признается супруг (бывший супруг) матери, если ребенок родился в течение трехсот дней с момента его смерти. Этот подход к установлению происхождения детей, рожденных в течение трехсот дней с момента смерти супруга их матери, вытекает из физиологического срока беременности и базируется на презумпции отцовства супруга.

Права детей, родившихся после смерти родителей, на отдельные виды социального обеспечения закреплены и в иных законодательных актах. В частности, устанавливая круг лиц, имеющих право на страховые выплаты в случае смерти застрахованного лица в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, законодатель предусмотрел право на получение ежемесячных страховых выплат как для детей умершего, не достигших совершеннолетия, родившихся до его смерти,

так и отдельно для детей умершего, родившихся после его смерти (пункт 2¹ статьи 7 Федерального закона от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»). В Гражданском кодексе Российской Федерации предусматривается право ребенка потерпевшего (кормильца), родившегося после его смерти, на возмещение вреда, в том числе на компенсацию морального вреда (абзац третий пункта 1 статьи 1088; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2023 года № 7-П), а также специально оговаривается право граждан, зачатых при жизни наследодателя и родившихся живыми после открытия наследства, призываться к наследованию (пункт 1 статьи 1116).

В Постановлении от 14 декабря 2021 года № 52-П Конституционный Суд Российской Федерации указал, что в российском законодательстве сформировался общий подход, в силу которого детям, родившимся после смерти отца, гарантируется защита их имущественных интересов и социальная защита наравне с детьми, рожденными на момент смерти отца. В то же время это касается детей, которые зачаты при жизни отца (или, во всяком случае, презюмируется, что они зачаты в данный период).

4. Научно-технический прогресс привел к разработке и внедрению в сфере медицины вспомогательных репродуктивных технологий, использование которых представляет собой один из способов реализации гарантируемого статьей 41 Конституции Российской Федерации права на охрану здоровья и медицинскую помощь, способствует деторождению и развитию института семьи. Применение вспомогательных репродуктивных технологий регулируется главным образом положениями статьи 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которая определяет их как методы лечения бесплодия, когда отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма, в том числе с использованием криоконсервированных половых клеток (часть 1). Право на применение таких технологий имеют как состоящие и не состоящие

в браке мужчина и женщина (за исключением суррогатного материнства, право на применение которого не распространяется на мужчину и женщину, не состоящих в браке), так и одинокая женщина; граждане имеют право на криоконсервацию и хранение своих половых клеток за счет личных средств и иных средств, предусмотренных законодательством Российской Федерации; порядок использования таких технологий, противопоказания и ограничения к их применению утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (части 2, 3 и 5 той же статьи).

Накопленный опыт регулирования свидетельствует о том, что в этой сфере не исключается возможность определенного отставания нормативной регламентации от развития соответствующих технологий и связанных с их применением общественных отношений. Это, в свою очередь, создает трудности в разрешении возникающих споров правоприменителем, который в таких условиях может — в зависимости от существа вопроса, его отраслевой принадлежности и иных обстоятельств — либо прибегать к расширительному толкованию нормативных предписаний, к аналогии закона, либо, наоборот, занимать осторожную позицию, стараясь избежать принятия решений, прямо не предусмотренных законодательством. В подобной ситуации особенно отчетливо проявляется значимость прямого действия конституционных принципов и норм (статья 15, часть 1; статья 18 Конституции Российской Федерации) как критериев выбора того или иного варианта понимания нормативных положений.

К числу вспомогательных репродуктивных технологий относится так называемая постмортальная репродукция, которая стала применяться сравнительно недавно и предполагает использование криоконсервированного репродуктивного материала умерших лиц (взятого при их жизни или в первые часы после смерти) с целью зачатия и рождения детей после смерти одного или даже обоих биологических родителей.

Технологии криоконсервации позволяют сохранять биологический материал годы и даже десятилетия. Постмортальная репродукция *de facto* не имеет временных ограничений, и, соответственно, отсчет времени до рождения ребенка может быть связан не с периодом вынашивания, когда ребенок зачат при

жизни обоих родителей (что учтено в действующем законодательстве, в том числе в Семейном кодексе Российской Федерации), а с моментом принятия решения об использовании генетического материала, когда само зачатие происходит в любое время после смерти лица, чьи половые клетки использовались для оплодотворения в рамках вспомогательных репродуктивных технологий.

Постмортальная репродукция, будучи относительно новым явлением даже в ряду иных вспомогательных репродуктивных технологий, затрагивает целый комплекс социально-экономических, морально-этических и правовых проблем. Не случайно законодатели различных стран принципиально по-разному подходят к самой возможности использования половых клеток умерших для зачатия детей (вплоть до полного запрета), а также дифференцированно регулируют отношения с участием детей, рожденных спустя значительное время после смерти лиц, чьи половые клетки использованы для зачатия.

Российским законодателем до сих пор принципиально не выражено легальное отношение к постмортальной репродукции, предполагающей рождение детей, зачатых после смерти отца, который предоставил генетический материал и выразил желание на их рождение даже в случае своей смерти. Соответственно, ввиду отсутствия прямого запрета граждане не лишены права воспользоваться данной технологией, как это было в деле М.Ю.Щаниковой. В России имеются материальные (забор, криоконсервация и хранение половых клеток, обеспечение медицинских процедур их использования для оплодотворения) и юридические (возможность заключить соответствующий договор) условия для использования такого метода вспомогательных репродуктивных технологий. Отсутствуют непреодолимые препятствия, как свидетельствуют в том числе материалы настоящего дела, и для признания отцовства умершего лица в отношении детей, рожденных его супругой, независимо от времени, прошедшего со дня его смерти. Это ставит правоприменителя перед необходимостью определить юридические последствия рождения детей, зачатых после смерти отца, на основе

действующего регулирования, не содержащего прямых предписаний на этот случай.

5. Особенности жизненных обстоятельств, в которых осуществляется постмортальная репродукция, не позволяют правоприменителям автоматически распространить на детей, рожденных в результате ее проведения, права и обязанности детей, родившихся при жизни родителей или в течение трехсот дней с момента смерти отца. В деле М.Ю.Щаниковой суды посчитали, что даже признание умершего супруга отцом детей, родившихся с использованием постмортальной репродукции, не дает этим детям право на пенсию по случаю потери кормильца, поскольку они не могли претендовать на получение помощи (содержания) от умершего до их рождения отца, т.е. находиться на его иждивении, и его смерть не могла повлечь ухудшения их имущественного положения в виде утраты части дохода семьи, соответствующей заработку умершего. Как было отмечено, решение о зачатии является самостоятельным волеизъявлением М.Ю.Щаниковой, совершенным при конкретных обстоятельствах, в которых ей было заведомо известно о том, что дети не будут воспитываться умершим отцом и что после рождения детей она будет их единственным (одиноким) родителем. Именно с учетом этих соображений суды, истолковывая положения статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях», отказали заявительнице в удовлетворении требования о назначении пенсии по случаю потери кормильца ее детям.

Действительно, использование одинокими женщинами (вдовами) постмортальной репродукции изначально подразумевает зачатие ребенка в неполной семье. В такой ситуации, с одной стороны, смерть супруга, признанного в установленном законом порядке отцом зачатых после его смерти детей, не является событием, в результате которого эти дети утрачивают возможность получения от него помощи (содержания), поскольку в силу объективных причин они ее не получали, но и в момент зачатия не могло предполагаться ее получение. По своему существу зачатие с помощью вспомогательных репродуктивных технологий и последующее

рождение ребенка после смерти отца не создает отношения нахождения ребенка на иждивении отца как основание для назначения пенсии по случаю потери кормильца. Следовательно, то обстоятельство, что не предполагается ее назначение такому ребенку, само по себе не может вести к выводу о несоответствии частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» Конституции Российской Федерации. Но, с другой стороны, установление факта отцовства не может не порождать не только личные неимущественные права таких детей, но и, в частности, право на получение какого-либо социального обеспечения в связи с отсутствием отцовского попечения.

Подход же правоприменителя, основанный на толковании положений статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях», отрицающем отнесение детей, зачатых с использованием вспомогательных репродуктивных технологий после смерти супруга матери и, соответственно, рожденных после его смерти, к категории детей, находившихся на иждивении отца, не позволяет защитить права таких детей. Он не только означает игнорирование факта утраты ими потенциального источника средств к существованию, на который они могли бы рассчитывать, будь отец жив, но и влечет снижение уровня их социальной поддержки по сравнению с детьми, рожденными при жизни отца (или не позже трехсот дней со дня его смерти), а потому не имеет конституционных оснований для применения в условиях отсутствия явно выраженной воли законодателя в отношении запрета или даже ограничения возможности (включая временные рамки) для супруги умершего распорядиться его генетическим материалом.

6. Провозглашение России социальным государством предполагает формирование государственной политики на основе признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина в качестве высшей ценности (статья 2 Конституции Российской Федерации) и отличается определенной целевой направленностью, заключающейся в создании условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7, часть 1, Конституции Российской Федерации), что требует особого внимания

и осознания ответственности публичной власти перед будущими поколениями российских граждан. Исходя из этого государство приняло на себя обязательство создавать условия для всестороннего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития детей, воспитания в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (статья 67¹, часть 4, Конституции Российской Федерации). Из сказанного следует необходимость поддержки всех детей, особенно оставшихся без попечения родителей или одного из них.

Наряду с выполнением задачи финансовой поддержки обеспечение в связи с отсутствием родительского попечения имеет для ребенка важное социально-психологическое значение, поскольку подтверждает наличие у него в прошлом родителей (одного из них), которые хотя и умерли, но создали основу для его материального благополучия. Эта своего рода квазикомпенсация отсутствия родительской заботы важна не только для содержания ребенка, но и для становления его личности. С учетом приведенных конституционных положений социальное обеспечение в связи с отсутствием родительского попечения должно быть гарантировано каждому ребенку.

Данное обстоятельство с учетом установленной решением суда семейно-правовой связи между умершим супругом, сдавшим биоматериал на криоконсервацию и хранение, и родившимися у его вдовы с использованием вспомогательных репродуктивных технологий детьми, зачатыми после его смерти, означает, что такие дети должны иметь право на социальное обеспечение в связи с отсутствием отцовского попечения. При этом форме его реализации могут быть присущи свои особенности с учетом специфики зачатия и рождения таких детей. Умаление же указанного права не согласуется с конституционными ценностями, провозглашенными в России как правовом социальном государстве.

Таким образом, части 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» не соответствуют статьям 7, 19 (часть 1), 38 (части 1 и 2), 39 (часть 1), 55 (часть 3) и 67¹ (часть 4) Конституции Российской

Федерации в той мере, в какой они в системе действующего правового регулирования не предусматривают назначения страховой пенсии по случаю потери кормильца ребенку, зачато с помощью вспомогательных репродуктивных технологий после смерти застрахованного в системе обязательного пенсионного страхования супруга его матери (который при жизни выразил намерение иметь детей с использованием вспомогательных репродуктивных технологий и в отношении которого впоследствии в судебном порядке установлен факт отцовства) и, соответственно, рожденному по истечении трехсот дней с момента смерти отца, притом что в системе социального обеспечения (социальной поддержки) не предусмотрено предоставление иных регулярных выплат такому ребенку, сопоставимых по своему значению с такой пенсией.

Федеральный законодатель правомочен предусмотреть для такого ребенка (таких детей) назначение либо страховой пенсии по случаю потери кормильца, либо иной меры социальной поддержки в виде регулярных выплат, с тем чтобы они были сопоставимы с такой пенсией.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать части 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» не соответствующими статьям 7, 19 (часть 1), 38 (части 1 и 2), 39 (часть 1), 55 (часть 3) и 67¹ (часть 4) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой ими в системе действующего правового регулирования не предусматривается назначение страховой пенсии по случаю потери кормильца ребенку, зачато с помощью вспомогательных репродуктивных технологий после смерти застрахованного в системе обязательного пенсионного страхования супруга его матери (который при жизни выразил намерение иметь детей с использованием вспомогательных репродуктивных технологий и в отношении которого впоследствии в судебном порядке

установлен факт отцовства) и, соответственно, рожденному по истечении трехсот дней с момента смерти отца, притом что в системе социального обеспечения (социальной поддержки) не предусмотрено предоставление иных регулярных выплат такому ребенку, сопоставимых по своему значению с такой пенсией.

2. Федеральному законодателю надлежит, руководствуясь требованиями Конституции Российской Федерации и основанными на них правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, выраженными в настоящем Постановлении, внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

Впредь до внесения в действующее правовое регулирование изменений, вытекающих из настоящего Постановления, ребенку, зачатому с помощью вспомогательных репродуктивных технологий после смерти застрахованного в системе обязательного пенсионного страхования супруга его матери (который при жизни выразил намерение иметь детей с использованием вспомогательных репродуктивных технологий и в отношении которого впоследствии в судебном порядке установлен факт отцовства) и, соответственно, рожденному по истечении трехсот дней с момента смерти отца, должно быть предоставлено право на страховую пенсию по случаю потери кормильца (при соблюдении иных установленных законом условий).

3. Правоприменительные решения по делу с участием гражданки Щаниковой Марии Юрьевны, вынесенные на основании частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях», подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 6-П